

снова впускают в себя варваров из мегаполиса,
которые так и не стали местными.
«Эти с города приехали», – поскрипывает калитка,
хрипит динамик смартфона, переходит из уст в уста соседей.
Поток автомобилей слабеет к закату. Наконец-то
можно выйти на улицу и надышаться лесом.
Захожу в супермаркет, где остался единственный,
чудом спасенный пакет с тихвинским хлебом,
как последняя сигарета в пачке.

* * *

В стихах разрежешь человека,
а там такая красота,
а там такая файлоотека,
прозрения и слепота.

Глядишь без зависти и злости –
ты сам такой и тем живешь:
идешь работать или в гости,
по Млечному Пути плывешь,

находишь всякие приметы,
смеешься над самим собой.
Стихи разрежут стиховеды,
а человек внутри живой.

* * *

Отпустил стихи в большой мир.
Не звонят и не пишут. Хорошо им там?
Не холодно в глазах читателей?

* * *

Нырнуть в новый день,
А вынырнуть в старом
До того, как

* * *

Вот мы и проснулись на белоснежных страницах января,
став его повествованием, в котором надежда смешана с тревогой,
словно китайский виски с казахстанской кока-колой.
Новогодние фейерверки внимательно всматривались в наши окна.
Что они видели в них? Сугробы оливье и алкогольные нарративы?
Или людей, объединившихся с самыми близкими, чтобы
сказать друг другу о самом главном? Людей, объединившихся
за одним столом, чтобы признаться в любви друг к другу;
чтобы напомнить о незаменимости друг друга;
людей, переживающих за сильных мужчин и женщин,
находящихся на линии соприкосновения или в тылу;
людей, чьи сердца наполнены солидарностью с Белгородом;
людей огромной страны: от Балтийской косы до острова Ратманова.
Вот мы и проснулись новым утром, а улицы снежные и морозные
смотрят на нас равнодушно, словно верлибр на рифмы.
Что нас ждет впереди? Новая искренность, которая вовсе
не новая? Новые песни, но с такими знакомыми словами?
Я не знаю. Никто не знает. История дышит нашими легкими,
смотрит глазами детей, а написана будет внуками.
Но мы можем попытаться прочесть неразборчивый почерк
настоящего, похожий на рецепт врача, в котором каждому
прописана любовь.

* * *

Зимнее небо,
словно метафора
ранних сумерек.

Взгляд лирического субъекта.
Красноречивое
молчание эпитетов.
Обманутое ожидание рифмы.
Автомобильное ворчание
города.

Улица
недоумевает
от
увеличения
количества белого цвета,
словно читатель,
впервые увидевший
верлибр.

Образы женщин и мужчин
на остановках
общественного транспорта.
Знаки препинания прохожих.

Дольник нового дня
прячет лицо от ветра,
чьи разговоры наполнены
снегом.

Время говорить
о самом важном.
Время находить поэзию
в самом обыденном.

СОН В НОЧЬ С 21 НА 22 ДЕКАБРЯ

Мне снился ядерный апокалипсис
В ночь после дня зимнего солнцестояния
Хотя во сне было лето и тепло
Мы с родителями стояли на ж/д платформе
И увидели большой гриб от взрыва со стороны Петербурга
Я видел как вдалеке разрушаются здания
Я видел как птицы не могут летать и падают
Я видел как поднимается пыль
Я видел как взрывная волна приближается словно в фильме
Она заставила нас упасть
Хотя была уже ослабленной расстоянием
Мы находились далеко от эпицентра
Это не ядерный взрыв сказала мама
А простоя мощная бомба.
Мы облегченно вздохнули и на лицах появились улыбки.

* * *

Когда я прогуливался в парке,
мне улыбнулся ребенок,
которого несла на руках девушка.
Я тоже улыбнулся в ответ.
Если в мире осталась возможность
отвечать улыбкой на детскую улыбку,
значит, не все потеряно.

* * *

Извлекаю из глаз потертые джинсы неба;
фрагменты прохожих; грязные носки
сугробов и ледяные булжники улиц;
пустые бутылки из-под новостей;
белое худи Русской равнины;
сырость оттепели; искусственный свет
похолодания; ветер дней; сюжеты
прочитанных книг; слова стихотворений,
испачканные снегом, и наступает весна.

НОВИ-САД

Я ходил по бывшему югославскому городу,
чьи здания были разрушены во время бомбардировок
авиацией НАТО; я смотрел на восстановленный Варадинский мост,
соединяющий берега Дуная; ходил по Набережной жертв рейда;
общался с местными жителями, изрядно поседевшими и морщинистыми,
чьи языки еще помнили русский из школьных уроков;
мне было неловко, потому что внутри прорастало ощущение
стыда за нашу нерешительность, нашу слабость,
перемешанную с черствыми хлебными корками девяностых.
Я чувствовал личную ответственность, хотя в 1999 году
был еще ребенком и вряд ли понимал что-то про
«Разворот над Атлантикой» и Приштинский бросок,
в чьих тенях невозможно спрятаться от Солнца.

Каждое утро я спускался из гостиничного номера на завтрак
в футболке с изображением Путина и российского триколора,
собирая коллекцию удивленных взглядов западных поэтов
(нас было около 30), а после выходил на улицу,
расположенную рядом с площадью Свободы, где шумел
славянскими голосами небольшой рынок для туристов,
а над всем возвышалась католическая церковь имени Марии.
Прохожие с интересом рассматривали меня и мою футболку, улыбались,
махали руками, напоминая детей на экскурсионном
автобусе. Думаю, что мне хотелось таким образом сказать им:
я – русский поэт, беру ответственность за все наши промахи и неудачи,
за все наши слабости и ошибки; мы тут, мы с вами, мы вместе.

Я общался с болгарской поэтессой Елкой Няголовой
и македонским поэтом Ристо Василевским (за что благодарю их,
пользуясь случаем). Еще был польский поэт (его имя я не запомнил),
говоривший на русском, но об этом он сказал случайно в последний
день поездки, поскольку, по его словам, *нам не о чем разговаривать*.
Я фотографировался с американским поэтом Ленсом Хенсоном
и венгерским поэтом Габором Г. Гьюкичем в знак победы
культуры над политикой.

В один из вечеров мы все выступали на европейском литературном фестивале, где звучал оригинальный текст, а затем перевод. Я не помню, какие выбрал стихотворения, но после прочтения ко мне подбежал двухметровый серб, пожал руку и крепко обнял. Следом тоже подходили какие-то люди, жали руку и улыбались, а меня переполняло ощущение родства с ними.

Теперь я пишу это стихотворение и вспоминаю, как ходил по сербскому городу, где впервые заявил о себе двадцать первый век, а человечество посмотрело в его красные заспанные глаза; по сербскому городу, где эпоха разворачивалась тяжело, как бомбовоз.

МЕЛЬТЕШЕНИЯ

В Telegram публикуешь стишок,
сочиняешь короткий кружок,
находясь то в реальности снов,
то в иллюзиях из облаков,
в мельтешениях этих: да/нет.
Хочешь сильным быть, словно Донецк,
но ты слабый, как будто Москва
зарифмована снова с «Москва»
(эта рифма не знает о том,
есть ли жизнь за Садовым кольцом).

На словах ты Пелевин В(э). 0.,
а на деле ты сам из чего
состоишь? Из молекул каких?
Из каких заблуждений людских?
Хочешь быть на кого-то похож,
но судьба – одиночный поход
(ты не купишь бессмертье за кэш,
это понял еще Гильгамеш).

Мелочь дней просто так раздавай,
словно это бесплатный вайфай,
получай за морщины рубли,
на фрагменты себя разруби –
будет трудно обратно собрать,
как обломки «Луны-25».

В «Википедии» скажут: был/жил
он, бесценных метафор транжир,
не жалея слова-позвонки
до последней строки.

* * *

На улице (за минуту до вьюги;
За полгода до отпуска)
Утро задумалось.

* * *

Из блога удалился
Еще один подписчик,
Любивший меня.

* * *

Жил-был круг.
Учитель вошел в класс
И вытер доску.

* * *

Небольшой городок,
Где среди знаменитостей
Продавщицы магазинов.

* * *

Моностиховность

* * *

личные аккаунты в социальных сетях
превращаются в кладбища незаметно

пользователь заходил десять лет назад

прижизненный аватар рассматривать жутко
ставший архивом
программным кодом
памятником самому себе
он смотрит в тебя воспоминанием и улыбается

летопись мыслей на стене профиля
небольшие посты
фрагменты биографии пойманные в моменте

через фото из прошлого
можно взглянуть глазами умершего
на пространство
которое он видел в объектив камеры

с каждым годом их становится больше
сколько бы я ни старался обновлять список френдов